

ЭКОНОМИКА

Круглов Вячеслав Вениаминович

д-р экон. наук, профессор

Балабина Людмила Алексеевна

канд. экон. наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург

АГРАРНАЯ ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы развития сельского хозяйства и ведение государственной сельскохозяйственной политики в советский период. Подробно раскрываются особенности развития сельского хозяйства, сущность процесса коллективизации сельских хозяйств. Представлены мнения исследователей по данному вопросу. Раскрываются основные идеи социально-экономической стратегии большевиков. Сделаны выводы о необходимости ведения государственной сельскохозяйственной политики, направленной на подъем сельского хозяйства и возрождения деревень, поскольку продовольственная проблема во всем мире приобретает растущую актуальность, а экспорт продовольствия становится зачастую инструментом политического давления.

Ключевые слова: сельское хозяйство, СССР, коллективизация, аграрно-продовольственная политика, ликвидация кулачества, большевики, государственная сельскохозяйственная политика.

Проблема продовольственной независимости, а, возможно, и продовольственной безопасности в обозримом историческом промежутке времени и уж, во всяком случае, на протяжении последних полутора столетий, находила важное место в трудах ученых-экономистов, в программах политических лидеров, государственных деятелей различного уровня, и т. п.

Данная проблема на мировом уровне, как и многие другие масштабные явления мирохозяйственной жизни и международных отношений, в принципе всегда имела колебательный характер, подчиняясь каприсам изменчивой мировой политической и экономической конъюнктуры.

Аграрно-продовольственная политика, по определению, не может находиться «на вторых ролях». Попытки «задвинуть» продовольственную проблему на «задворки» национальной или региональной сцены всегда заканчивались провальным результатом для деятельности подобных «камикадзе» от политики. Для большой группы государств, возникших на политической сцене мира в конце XX столетия, проблема разработки успешной и, самое главное, *успешной долговременной аграрно-продовольственной стратегии*, становится в ряд первоочередных задач.

О значимости экономической безопасности государства и необходимости разработки плодотворной и эффективной стратегии социально-экономического развития написано немало работ с интересными теоретическими выводами и практическими рекомендациями. Против этих выводов и рекомендаций, а также проектов «национальной идеи» и т. п., возразить трудно, да и не нужно. Печально то, что эти выводы, идеи и проекты в большинстве своем *не работают*. Многие из практических рекомендаций не работают потому, что в них либо не учитываются интересы обычного простого гражданина, либо в этих проектах и программах почему-то старательно обходят проблему достижения продовольственной самообеспеченности государства. Это можно понять, потому что на этой проблеме ломали успешную карьеру многие руководители советского периода (если человека «ставили» на руководство сельским хозяйством, на дальнейшей политической карьере этого человека можно было ставить «жирный крест»).

1. Каким образом можно было бы совместить те элементы, как нам кажется, успешной продовольственной политики и, вполне возможно, успешной долговременной стратегии развития. Для этого нужно учесть те очевидные особенности сельскохозяйственного производства, которые почему-то игнорируются при

составлении того или иного проекта, или той или иной «ключевой» или даже «судьбоносной» идеи.

2. Сельское хозяйство является самой первой отраслью *сознательной целесообразной систематической* хозяйственной деятельности человека в сложном взаимодействии с природой. Во-первых, это, конечно, союз с природой. Но, во-вторых, это противодействие природе, насилие над ней. Человеческие сообщества на различных стадиях своего развития очень по-разному решали это противоречивое единство общения человека с природой, и вырабатывали в каждом конкретном случае тот или иной алгоритм взаимодействия с природой. Это в любом случае зависело от сложного комплекса природно-климатических особенностей в данном конкретном ареале обитания, то есть от региона жизненного обитания. Региональные особенности и складывали тот тип взаимодействия человека с природой, который определял стереотип *успешного хозяина*.

3. Аграрно-продовольственная политика, которая стремилась внедрить в сельское хозяйство такой тип поведения, который был бы общим для всего государства, игнорируя региональный приоритет при формировании эффективной формы хозяйствования на земле, никогда не имела успеха. Так, командно-административная система управления народным хозяйством, определяя графики проведения сельскохозяйственных работ по укрупненным административным единицам (область, край, автономия) и тем самым принуждая сельскохозяйственных производителей к бездумному исполнению приказов, исходивших из начальственных кабинетов, ломала тот естественный и разумный порядок и график проведения сельскохозяйственных работ, который складывался веками. Если до коллективизации каждый сельский хозяин, конечно, ориентируясь на наиболее «справных» земледельцев, сам определял сроки проведения работ, то в эпоху господства колхозной системы этот порядок «спускался» сверху, подстегиваемый так называемым «социалистическим соревнованием» за сжатые сроки вспашки полей, сева и пр., причем на одну доску ставились южные районы с северным и, влагоизбыточные с влагонедостаточными, холмистые с низменно-равнинными. Затем наступал график сенокоса и кормозаготовок, уборочная страда,

выполнение графика хлебосдачи и др. продукции сельского хозяйства «в закрома Родины». Передовиков хвалили, отстающих ругали, и так до конца хозяйственного года, когда и определялся настоящий «передовик».

4. Сельское хозяйство по сути своей является хозяйством многоотраслевым и универсальным. Все операции в сельском хозяйстве взаимоувязаны и требуют единого «центра управления» в лице самого сельскохозяйственного производителя. Если аграрное производство по достигнутому уровню технической базы замыкается на самом производителе, то выделять из него ту или иную функцию производства или принятия решений – это значит обрекать страну на ту или иную форму принудительного регулирования потребления, будь то карточная система, система талонов на важнейшие продовольственные изделия, так называемых «пригласительных билетов потребителя» и т. п.

5. Любая отрасль сельскохозяйственного производства, по характеру материально-технических условий требующая постоянной мотивации производителя, строго повелительно требует совмещения в лице земледельца функций планирования деятельности, ведения самого производства и принятия решений, т. е. управления. Эффективное хозяйствование всегда связано с учетом конкретных особенностей (и возможностей) конкретной местности, т. е. привязано к региону.

Исторические особенности. Это очень сложный компонент причинно-следственных связей, обусловленных сложившимся типом хозяйствования и влиянием предыдущего исторического развития. Например, создание рыболовецких артелей в большинстве случаев не вызывало отторжения у членов этих артелей, ибо артельный труд был востребован самим производственным процессом. Труд в рыболовецких артелях – это всегда коллективный труд, при котором мотивация члена артели органично увязана с интересами других членов артели. И, напротив, труд в промыслово-охотничьем хозяйстве всегда замыкался на самостоятельность охотника-промысловика, а «артельность» сводилась к функциям распределения охотничьих припасов и приема добытого по официально утвержденным расценкам. Таким образом, промысловые охотхозяйства представляли со-

бой скорее не классический колхоз, а потребительский кооператив с дополнительной функцией распределения охотничьих участков. Что объединяло рыболовецкие артели и промысловые охотхозяйства так это их подчиненность государственным отраслевым организациям. Но, в этих конкретных случаях интересы государственной казны допускали отход от «классических» принципов колхозного строя. Примерно такую же картину представляли собою колхозы кочевников-оленеводов или кочевников-скотоводов. По форме это были «как бы колхозы», а на самом деле сохранялись традиционные формы хозяйственной жизни, слегка «подкрашенные» новыми лозунгами. Потому что в другом виде не было бы получено никакого очевидного хозяйственного результата, от чего здимо пострадали бы интересы государственной казны.

Вся тяжесть коллективизации сельского хозяйства легла на славянскую деревню, составлявшую основу удовлетворения внутренних продовольственных потребностей и потребностей экспортных обязательств. Конечно, деревня неславянских территорий тоже не осталась в стороне от гнета коллективизации, но она все же понесла не столь тяжкий урон, т. к. особенности национальной ментальности, языковой изоляции от русскоязычного «начальства», кланово-родственной поддержки, и т. п. позволяли сохранять определенную устойчивость, самобытность деревни некоторых национальных республик и автономий, «отгораживаясь от тотальной колхозной «выгребаловки».

Если до начала коллективизации российская деревня не имела четкой наклонности к безвозвратной миграции в города и промышленные стройки, предпочитая сезонное отходничество, то с началом коллективизации обездондение деревни превратилось в безудержный массовый исход. Деревня некоторых национальных республик и автономий к такому исходу не была готова по причине недостаточного владения русским языком (а в городах и на промышленных стройках знание русского языка было остро необходимо, т. к. его незнание могло повлечь самые негативные последствия). Коллективизация по принципиально единому плану, предусматривала стандартный комплекс мероприятий, единый механизм принуждения и насилия («непаспортизация» деревни, обязательный

минимум трудодней, уголовная ответственность за «покушение на общественную колхозную собственность, и т. п.). В то же время коллективизация была вынуждена все равно признавать (хотя и негласно) необходимость учета местных т. е. региональных, особенностей, и при крайней необходимости и очень нехотя, подстраиваться под них.

Итак, что же лежало в основе того скандального положения, которое сложилось в аграрно-продовольственной сфере России, ряда государств экс-СССР и бывших членов «мирового социалистического содружества». Некоторые из таких стран, например, КНР, Вьетнам, Лаос, восточная Германия, Венгрия, вышли из состояния продовольственных затруднений, покончив с заимствованной у СССР административно-командной системой управления сельским хозяйством и перейдя по преимуществу к чисто рыночным регуляторам сельскохозяйственного производства (Венгрия и Польша почти не внедряли колхозную систему). Истоки советской системы управления развитием аграрно-продовольственной сферы кроются в целом ряде положений марксистской теории, или, вернее, в субъективно-произвольной трактовке таких положений.

В научных работах Маркса и Энгельса мы находим очень мало положений выводов, касающихся сельского хозяйства и сельского населения (теоретические положения по поводу абсолютной и дифференцированной земельной ренты – не в счет). Их научный интерес сосредоточен на *индустриальном* капитализме, т. е. преимущественно на промышленности, и социальным отношениям в этой сфере. Из этого анализа был сделан вывод о неизбежности прихода пролетариата к власти ввиду эвентуального преобладания численности пролетариата над всеми другими классами, социальными группами, слоями и прослойками. Энгельс, правда, склонялся к тому, чтобы выкупить средства производства «от всей этой банды». Все другие социальные группы, в том числе земледельцы (крестьяне, фермеры), должны были, в результате действия закона концентрации производства и капитала, в своем подавляющем большинстве мигрировать в ряды рабочего класса и естественным образом проникнуться его идеологией и его истори-

ческой ролью «могильщика капитализма». Конечно, этот процесс будет достаточно длительным, но его, по их мнению, можно ускорить силами революционеров, объединенных в мощную международную организацию – Интернационал.

Из-за этой своей позиции и Маркс, и Энгельс не занимались специально изучением аграрных отношений в условиях индустриального капитализма, ибо для них историческое завершение остатков натурального хозяйства и феодальных поземельных отношений сомнений не вызывало.

Маркс сформулировал в «Капитале» положение о наличии двух подразделений общественного производства: производство средств производства и производство предметов потребления. При этом первое подразделение, в свою очередь, распадается на 2 части: на производство средств производства для производства средств производства и на производство средств производства для производства предметов потребления. При этом первое подразделение общественного производства, при прогрессивном развитии машинной техники, должно развиваться опережающими темпами по сравнению со вторым подразделением общественного производства, куда относится и производство продовольствия. Для Маркса второе подразделение общественного производства представляло второстепенный научно-теоретический интерес. Правда, он сумел из своего анализа общественного воспроизводства сделать вывод об углубляющемся противоречии между городом и деревней, о подчиненном положении сельского хозяйства в индустриальном обществе. Для Маркса прогресс ассоциировался с городом, а консерватизм и отсталость – с деревней. Из бельгийского эпизода своей эмиграции Маркс сформулировал тезис об «идиотизме деревенской жизни», который затем с восторгом подхватили многие скороспелые марксисты и их попутчики (см., например, повесть А. И. Бунина «Деревня»).

К анализу аграрных отношений в условиях капитализма обратились такие последователи Маркса, как Эдуард Давид и Карл Каутский. Первый опубликовал книгу «Социализм и сельское хозяйство», а второй – книгу «Аграрный вопрос». По мнению этих авторов, сельское хозяйство стран Западной Европы уже охва-

чено товарно-денежными отношениями, на основе которых развиваются капиталистические отношения, но которые еще испытывают на себе отрицательные последствия феодального строя в лице немногих крупных землевладений. Анализируя социальную структуру сельского хозяйства, Давид и Каутский сделали вывод о том, что мелкое и среднее крестьянство может быть союзником рабочего класса в борьбе за социалистическое преобразование общества, но их природа мелких собственников отвращает его от рабочего класса и роднит его с социальной группой крупных сельских хозяев патриархально-капиталистического типа. Однако, со временем, по мере разорения большинства мелких и средних крестьянских хозяйств, интересы последних будут все больше совпадать с интересами рабочего класса. Противоречия между мелкими и средними сельскими хозяевами, с одной стороны, и промышленными рабочими, с другой, заключаются также в том, что мелкотоварные земледельцы являются, хотя и мелкими, но все же производителями и продавцами сельхозпродукции, а подавляющее большинство лиц наемного труда является основным покупателем и потребителем продовольствия. Одни – производители – заинтересованы в том, чтобы продать по-дороже, другие, напротив, заинтересованы в том, чтобы купить подешевле.

Короче говоря, Давид и Каутский, с марксистских позиций, дали вполне объективный анализ места и роли сельского хозяйства на индустриальной стадии капитализма. Они выявили сходство и различие интересов промышленного рабочего класса, сельскохозяйственных наемных рабочих, и различных социальных групп сельскохозяйственных производителей.

Идя вслед за Давидом и Каутским, Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», опираясь на данные земской статистики и на труды ученых, занимавшихся анализом аграрных отношений в России, исследовал состояние сельского хозяйства в стране, избрав в качестве измерителя принадлежности к той или иной социальной группе размеры землевладения (землепользования), поголовье рабочего скота и отношение к наемному труду (либо его наем, либо продажа). Выводы Ленина совпадали с выводами Давида и Каутского, но они

были более категоричными относительно близости интересов неимущего и малоимущего крестьянства с интересами рабочего класса. Он разделял точку зрения обоих германских коллег на «патриархальный» характер буржуазных отношений в сельском хозяйстве, на «недоразвитость» капитализма, но, в условиях засилья крепостнических пережитков в России, сделал вывод, что русская деревня представляет колоссальный потенциал недовольства политикой царизма в аграрном вопросе, способный, особенно в обстановке лишений военной поры, разрушить хрупкое состояние политического равновесия и ввергнуть страну в хаос.

На этой платформе ненависти к помещикам и «буржуям-богатеям» Ленин и его соратники выстраивали свою тактику революционных действий и завоевания власти, не упуская из вида конечную цель – осуществление всемирной пролетарской революции.

«Фабрики – рабочим, земля – крестьянам, мир – народам!» – этот лозунг в конце первой мировой войны звучал весьма привлекательно, логически перетекая в призыв превратить войну между народами в войну гражданскую, классовую. На этих краеугольных постуатах выстраивалась жизнь в России после захвата власти большевиками и их союзниками.

То, что Россия, а вместе с нею и многие государства СНГ, Средней и Восточной Европы, находятся в зависимости от иностранных поставок продовольствия, есть прямой результат вышеупомянутых постулатов марксизма и большевизма. Кто-то из теоретиков марксизма сказал: «Нет ничего более практического, чем правильная (т. е. подтвержденная практикой) теория». Аграрная теория революционного марксизма – это пример «наоборот». Мы сформулировали это положение так: *нет ничего разрушительнее и вреднее по своим последствиям, чем недозрелая или неверно сформулированная теория*. И еще одна выстраданная народами экс-СССР печальная истина: в любом теоретическом или прагматическом изложении какой-либо теории остро желателен *нравственный аспект*, без которого теория приобретает налет пренебрежения судьбами главного субъекта исторического развития – *человека*.

Итак, как выстраивалась логика социально-экономической стратегии большевиков?

1. Переход к строительству нового общества в стране, в которой победила большевистская идеология, возможен при условии победоносных пролетарских революций в развитых странах Западной Европы и Северной Америки.

2. Советская Россия может сыграть при подготовке «всемирной пролетарской революции» роль вооруженного авангарда этой революции.

3. Для скорейшего и более эффективного выполнения этой задачи необходимо в самые сжатые исторические сроки провести индустриализацию страны, что позволит: а) обеспечить превращение страны из аграрной в индустриальную державу и, как результат, в мощную военно-промышленную силу; б) перевести сельское хозяйство на машинную техническую базу как основу крупнотоварного производства продовольствия и сырья для производства предметов потребления.

4. Индустриализация, по мнению большевистского руководства, несомненно приведет к снижению жизненного уровня населения, но, в перспективе, после свершения всемирной пролетарской революции и образования единого государства, будет достигнуто вполне счастливое и беспроблемное будущее. Во имя такого будущего, мол, можно на некоторое время «затянуть пояса».

5. Сельское хозяйство, по мысли вождей ВКП(б), должно было стать основным источником ресурсов для проведения индустриализации. Главным инструментом перекачки ресурсов из сельского хозяйства в промышленность должны были стать сельскохозяйственные артели – колхозы. Отделить собственника от собственности значит присвоить себе право бесконтрольного распоряжения колхозной, т. е. как бы ничьей персонально, собственностью.

Если при переходе западноевропейских стран в индустриальную стадию капитализма из аграрно-продовольственной сферы вытеснялись неимущие и мало-мощные земледельцы, неспособные к хозяйствованию в новых условиях, то в СССР в эпоху индустриализации опорой новой власти рассматривались именно неимущие и малоимущие крестьяне, оказавшиеся неспособными обеспечить прогрессивное развитие аграрного производства. Именно этому социальному

слою советская власть вручила управленческие функции в аграрно-продовольственной сфере и поручила обеспечить перевод сельского хозяйства на рельсы крупнотоварного производства. Какое-либо материальное стимулирование труда колхозников не предусматривалось, т. к. это противоречило основной задаче коллективизации. Наиболее трудоспособная и динамичная часть крестьянства, которая успешно выполняла функцию удовлетворения продовольственных потребностей страны, снабжения обрабатывающей промышленности сырьем и выполнения экспортных поставок, стала жертвой чисто умозрительных теоретических конструкций. Наиболее ущербная социальная группа крестьянства, якобы призванная вершить судьбу колхозного строя, в подавляющем большинстве своем, также стала своеобразной жертвой «всемирно-исторического эксперимента».

Если «кулачество» «истребляли как класс», то бедняки и «низшие середняки» должны были безропотно выполнять «государеву барщину» в виде «обязательного минимума трудодней», а председатели колхозов, бригадиры и др. «элиты» колхозного строя выступали от имени государства в качестве надсмотрщиков и приказчиков подневольного колхозного «люда». Над людьми властвовала «высокая теория». Это была теория «математических множеств»: «масс» и «классов». Теория могла казаться безупречной только и исключительно за счет атмосферы насилия и страха, лицемерия и неправды. На этом фундаменте невозможно было построить социально устойчивое динамично развивающееся общество. Хотя «светочи» марксистской теории и возглашали насилие «повивальной бабкой истории», но прошедшая история наглядно показала глубинную порочность теории, в которой идея довлеет над материей, а замыслы над реальной жизнью.

«Ликвидация кулачества как класса» означала разрушение того социального слоя деревни, который был способен обеспечить эффективный переход к крупнотоварному сельскому хозяйству. Советская власть стала создавать это хозяйство «сверху» за счет постепенной «тракторизации» аграрного производства. Од-

нако, этот процесс, не подкрепленный изменением всей материально-технической базы сельского хозяйства (например, животноводческая отрасль велась традиционными методами, практически без всякой механизации), при отсутствии материальной заинтересованности земледельцев, не мог привести к положительным результатам. Хотя в решениях ХУП и ХУШ съездов ВКП(б) провозглашалась «полная победа колхозного строя» «решение продовольственной проблемы», на самом деле продовольственные трудности сопровождали жизнь советских людей всю эпоху сталинских, хрущевских, брежневских и т. д. «пятилеток». Формально карточная система была отменена в 1934 году, но фактически она не перестала существовать; её заменили 4 категории снабжения. Так, к 1-ой категории снабжения относились Москва, Ленинград, Харьков (Киев), Минск, Тбилиси, Баку. Во 2-ю категорию снабжения были включены столицы других союзных и некоторых автономных республик, особо важные промышленные центры. По 3-ей категории снабжались областные и районные центры, поселки городского типа. Сельская местность относилась к 4-ой категории снабжения и включала в себя крайне ограниченный список промышленных изделий (керосин, спички, мыло, отнюдь не всегда сахар и ткани, и пр.). Особняком стояли предприятия лесозаготовительной промышленности, золотодобычи, промысловые охотхозяйства, моррыбфлот, геологоразведка. В особую категорию снабжения входили армия, ВМФ, ВВС, НКВД, и др.

На лагерях ГУЛАГа проверялись биологически допустимые нормы продовольственного снабжения, что позволило, после начала Великой Отечественной войны в кратчайшие сроки ввести карточную систему распределения продовольствия по различным категориям потребителей, чтобы обеспечить трудоспособное состояние работающего населения и выживание нетрудоспособного.

Отступив в основе своей от правильного понимания определенных экономических законов, советская система уже не могла отступить от сложившейся порочной практики административно-командного управления аграрно-продовольственной сферой, даже стремясь заимствовать западный опыт в этой обла-

сти. Скажем, сформулировала западная экономическая мысль тезис об «индустриализации сельского пространства», о формировании «аграрно-промышленного комплекса»; наши руководители подхватили этот тезис, «приспособив» его к уровню своего понимания. «Индустриализация сельского хозяйства», по их мнению, означал его перевод на промышленные методы хозяйствования. Иначе говоря, все хозяйственные операции на земле следует перевести на промышленный лад, т. е. установить расценки оплаты за каждую операцию. Так, вспашка 1 га земли определенной категории на тракторе такой-то марки стоит столько-то, боронование – столько-то, внесение удобрений или средств защиты растений – столько-то, жатва – столько-то, и т. д. Руководитель советского сельскохозяйственного предприятия отнюдь не являлся хозяином; он был приказчиком от некоей государственной структуры, выступа. А осенью, в период уборки урожая, на одном поле густо, на другом -пусто, а на третьем.... так себе. В промышленности каждая операция проверяется сразу же, а в земледелии и в животноводстве все определяется по завершении хозяйственного года. И, если нет единого хозяйственного догляда, то и результат, что называется, аховый вшей в роли, нет, не хозяина, а управляющего от имени государства.

И вот в этой ситуации, в которой не было места живой конкретной заинтересованности в конечном результате производства, подсобное приусадебные хозяйства, занимая десятые доли процента сельхозугодий, давали по ряду товарных позиций продовольствия *десятки* процентов, потому что у этих хозяйств присутствовал заинтересованный хозяйствский догляд, от их трудового усердия зависело их большее или меньшее благополучие. Казалось бы, что может быть яснее! Но, глаза застилала мутная мгла *теории*.

Недавняя новейшая история советского периода и проводимой в этот период аграрной политики ярко продемонстрировала горькие результаты неправильно сформулированной и (или) неправильно понятой теории.

Что можно противопоставить постулату экономической теории относительно преимуществ крупнотоварного производства. На первый взгляд, нечего противопоставить, кроме проверки практикой. Практика показала, что идти к

крупнотоварному производству продовольствия и аграрного сырья по пути разрушения уже вызревающего в недрах патриархально-полунатурального хозяйства элементов крупнотоварного хозяйства – значит обрекать страну и народ на неоправданные жертвы и лишения. Тракторами хозяйственную сметку и рачительность не заменить, а комбайнами и трудоднями трудовой энтузиазм не возбудить. Когда человек отделен от средств труда, от объекта трудовых усилий, никакой, даже очень привлекательной на первый взгляд, теорией не заменить его личную кровную заинтересованность в результатах его тяжелого повседневного, добровольно принимаемого на себя, жертвенного труда.

Ведь вот, казалось бы, теория сформулирована безупречно, и выводы вполне логичны, но... не созрели условия для претворения её в жизнь, и сразу (эх, если бы сразу) распадается вся конструкция тактических приемов по претворению теории в практическую жизнь.

Итак, с незрелой практикой применения всесторонне обоснованной теории история обошлась довольно категорично, наглядно показав, что при неправильном понимании теории и попытках её реализации полуграмотными или вообще неграмотными мозгами и руками, ничего хорошего не получится.

Логично спросить, а что делать, чтобы избавиться от тяжкого груза допущенных ошибок, просчетов и преступлений. Однозначного ответа на этот вопрос вряд ли можно дать. Судя по всему, для того, чтобы избавиться от доставшегося нам тяжелого наследия, нужно идти несколькими путями, и идти одновременно. Какой путь окажется результативным, покажет время. Однако, один тезис можно определить как базовый. Поднимать сельское хозяйство, возрождать деревенское пространство нужно, опираясь на региональную специфику: специфику географическую, природно-климатическую, почвенно-биологическую, историческую, демографическую. Все эти факторы незаменимы, и по отдельности их нельзя выбирать в качестве ключевых. И, конечно, в первую очередь нужно выбрать, *кто и на каких условиях* может приступить к возрождению той земли, которая на протяжении многих веков на скучных своих почвах производила продукцию не только для своей страны, но и для других.

Практика последних лет в России, да и в других странах СНГ, показала, что успешнее всего решаются вопросы подъема сельского хозяйства именно на региональном уровне, исходя из ресурсных возможностей и всех тех особенностей данной отрасли народного хозяйства, о которых было сказано выше.

Конечно, в любом случае нужна будет помочь государства, но лишь в определении главных направлений и общей стратегии восстановления сельского пространства, а реализация этой помощи должна быть возложена на регионы, но так, чтобы была обеспечена полная гласность критериев участия в реализации государственных программ, с максимальным учетом истории той или иной местности, ориентируясь на местоположение прежних деревень, уже исчезнувших или исчезающих. Там есть остатки дорог, источников водоснабжения (места бывших колодцев могут еще хранить запасы хорошей воды), плодородные земли (на месте бывших огородов земля удобрялась зачастую столетиями и вполне может быть сравнима с черноземами) и прочие, легко восстановимые инфраструктурные компоненты.

Неплохие результаты получаются и в том случае, когда к делу возрождения села подключается крупный и средний бизнес, когда с семьями новоселов заключаются контракты на производство той или иной продукции, и оказывается финансовая помощь для приобретения необходимой техники, посевного материала, маточного поголовья, ремонта дорог, и пр. Неплохие результаты получаются при умелом сочетании частных инвестиций и государственной помощи. На подъеме сельского хозяйства и возрождении деревни экономить нельзя, особенно в современных условиях, когда продовольственная проблема во всем мире приобретает растущую актуальность, а экспорт продовольствия становится зачастую инструментом политического давления.

Необходимым условием возрождения сельского пространства является не только профессиональное обучение сельхозпроизводителей, но и воспитание в них качеств хозяина (в смысле не кулака патриархальной деревни, а образованного современного агрария-предпринимателя). Жизнь и работа на земле воспитывают чувство патриотизма эффективнее и нагляднее, чем самые яркие лекции

и политинформации. Земледельцы всегда выступали истинной опорой государства, если им давали землю, свободу и орудия труда, а все остальное они сделают сами, если им не мешать, а защищать их от криминальных налетов, чиновничьего произвола и всяческих поборов.